

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СИНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 16-го числа наждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ

за заслуги по вѣдомству **О. Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства.**

1.

Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, по представленію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, **Всемилоствѣйше** соизволилъ на награжденіе, къ 6-му числу мая текушаго года, почетной попечительницы Общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ С.-Петербургской Введенской л.-гв. Семеновскаго полка церкви, потомственной почетной гражданки Параскевы *Петровой*, за заслуги по духовному вѣдомству, золотою медалью, съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ, украшенною брилліантами.

2.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, **Всемилоствѣйше** соизволилъ, въ 16-й день минуваго іюня, на награжденіе священниковъ

Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ: 4-го — Николая *Дьякова*, 23-го — *Теодора Рубановскаго* и 35-го — *Арсенія Молоткова*, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, золотыми наперсными крестами на Георгіевской лентѣ.

3.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Высочайше соизволилъ, 16-го минувшаго іюня, утвердить пожалованныя главнокомандовавшимъ войсками на Дальнемъ Востокѣ, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, награды священникамъ Восточно-Сибирскихъ полковъ: 21-го — Николаю *Макаревскому* и 33-го — *Георгію Шавельскому*, нынѣ полевому главному священнику 1-й Маньчжурской арміи, орденъ Св. Анны 2-й степени съ мечами и тотъ же орденъ 3-й степени съ мечами священникамъ: 11-го пѣх. Сибирскаго Семипалатинскаго полка Павлу *Извъкову*, 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлк. полка Іоанну *Покровскому*, 16-го полевого подвижнаго госпиталя 2-й Сибирской пѣхотной дивизіи Порфирію *Попову*, состоящему при санитарномъ транспортѣ Е. А. Вороновой Михаилу *Раевскому* и исполняющему пастырскія обязанности въ 10-мъ пѣх. Сибирскомъ Омскомъ полку іеромонаху *Лаврентію*.

4.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Высочайше соизволилъ, 2-го минувшаго іюля, утвердить пожалованныя, въ числѣ прочихъ, главнокомандовавшимъ войсками на Дальнемъ Востокѣ, по Высочайше предоставленной ему власти, награды за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ: священнику 10-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Іоанну *Ремизову* — орденъ Св. Анны 2-й степени съ мечами и тотъ же орденъ 3-й степени съ мечами священникамъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ: 9-го — Павлу *Кропотову*, 11-го — Петру *Курдюмову*, 22-го — Андрею *Богословскому*, 23-го — *Теодору Рубановскому* и 24-го — *Василію Дубницкому* и исполняющему пастырскія обязанности въ полевомъ подвижномъ № 15 госпиталѣ іеромонаху *Максиму*.

5.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода ходатайства командира 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса генераль-адъютанта Стесселя, Всемилостивѣйше соизволилъ, 2 го

минуваго іюля, на награжденіе, въ числѣ прочихъ чиновъ бывшаго Портъ-Артурскаго гарнизона, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, священниковъ: 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка *Василія Слюнина* орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ, крейсера 1-го ранга «Баянъ» *Анатолія Куньева* тѣмъ же орденомъ 4-й степени съ мечами и 15-го Вост.-Сибир. стрѣлковаго полка *Александра Холмогорова* орденомъ Св. Анны 2-й степени съ мечами.

6.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора ходатайства главнокомандовавшаго войсками на Дальнемъ Востоцкѣ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, **Всемиловивѣйше** соизволилъ, 2-го минуваго іюля, на награжденіе священника 121-го пѣх. Пензенскаго генераль-фельдмаршала графа *Милютина* полка *Константина Воскресенскаго*, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, золотымъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ.

7.

Къ 6-му числу мая текущаго 1905 г. **Всемиловивѣйше** пожалованы серебряными медалями, для ношенія на груди на *Станиславской* лентѣ, съ надписью «за усердіе» старшій мастеръ свѣчнаго завода для церквей военнаго и морского вѣдомства крестьянинъ *Алексѣй Орловъ* и сортировщикъ и кладчикъ свѣчей того же завода крестьянинъ *Василій Успенскій*.

Изъ приказа по 58-му драг. **Владимірскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича** полку,

отъ 12-го мая 1905 г., г. *Ново-Минскъ*.

Полковой священникъ, благочинный нашей дивизіи, о. *Сергій Петропавловскій*, по распоряженію О. Протопресвитера переведенъ въ л.-гв. *Волынскій* полкъ.

Разставаясь съ многоуважаемымъ пастыремъ, считаю своимъ нравственнымъ и пріятнымъ долгомъ принести ему какъ лично отъ себя, такъ и отъ всей

бывшей его паствы, сердечную благодарность за дѣятельность на поприщѣ духовно-нравственнаго воспитанія и назиданія, за прекрасный примѣръ душевной кротости, воздержанія и христіанской любви къ ближнимъ.

Отъ души желаю о. Сергію полного успѣха на новомъ мѣстѣ служенія его.

Командиръ полка, полковникъ *Мейнгардъ*.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

Б Е С Ъ Д А

о физическихъ и нравственныхъ страданіяхъ, которыя русскіе воины великодушно переносили во время девятимѣсячной осады Портъ-Артура.

(Воспоминанія священника, прожившаго все время осады въ Портъ-Артурѣ).

Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ. (Галат. 6, ст. 2).

Послѣ девятимѣсячной отрѣзанности Портъ-Артура отъ всего міра, послѣ невзгодъ, лишеній, страданій—душевныхъ и тѣлесныхъ, какія выпали на долю защитниковъ этой крѣпости, мы, коимъ Богъ судилъ остаться въ живыхъ, съ болью сердца покинули эти высокія, каменистыя, лишенныя всякой растительности, горы. но когда оставляли, то для всѣхъ насъ и разрушенный городъ, и бухта съ разбитыми, потопленными кораблями, и эти непривѣтливныя горы, обагреныя кровью десятковъ тысячъ людей, и братскія могилы на позиціяхъ съ бранными остатками героевъ-мучениковъ—были настолько намъ близки и дороги, что у всѣхъ сердце сжималось отъ боли и глаза оросились слезой. Намъ было тяжело оставлять все это, потому что много труда положили тамъ наши воины, много горькаго пережито, много крови пролито на этихъ горахъ. Чувство, съ какимъ уходили мы, подобно было тому, которое испытываетъ мать, когда удаляется отъ могилы, гдѣ только что засыпали землей ея родное дитя.

Я хочу дать краткое описаніе того, что было въ Артурѣ; какъ очевидно, я постараюсь провести параллель между жизнью здѣсь, въ Россіи, и жизнью въ многострадальномъ Артурѣ.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ храмахъ русскихъ, собираетесь вы для общей молитвы. Вы молитесь, душевно бесѣдуете съ Богомъ, вамъ никто не мѣшаетъ. Тамъ же священники устраивали церковь или на позиціи — у лафета, или въ ущельѣ среди горъ, въ рѣдкомъ случаѣ въ баракаѣ или въ домикаѣ. Простъ былъ нашъ храмъ по своему устройству — походный престолъ, а передъ нимъ установленная на камняхъ полковая икона, — вотъ, и весь храмъ; куполомъ было голубое небо, а лучезарное солнце замѣняло намъ свѣчи. Въ лѣтнее время, когда нашъ врагъ былъ еще сравнительно далеко, бывали минуты затишья. Къ богослуженію воины собирались большими частями; все съ любовью принимали участіе въ общемъ хоровомъ пѣніи. Звуки церковныхъ пѣснопѣній далеко разливались по холмамъ, а оттуда отвѣчало намъ эхо десятками голосовъ. Въ послѣдніе же 2—3 мѣсяца непріятель подходилъ все ближе и ближе, кольцо осады становилось меньше. Не было мѣста, которое находилось бы внѣ опасности, всюду шумѣли снаряды, принося окружающему смерть, увѣчья, страданія. Позиціи и прилегающія къ нимъ мѣста находились въ болѣе худшихъ условіяхъ, но и такая обстановка не мѣшала православному человѣку приходиться къ богослуженію, совершаемому также у позицій, — преклонять колѣна на каменистомъ грунтѣ и возносить свои глубоко-сердечныя молитвы. Въ приобщеніи Св. Тайнъ, въ молитвѣ русскій воинъ получалъ облегченіе своихъ страданій и силы для дальнѣйшей борьбы. Когда въ бой шли, православные воины всегда старались получить благословеніе священника; немѣющіе крестика просили благословить ихъ крестикомъ, просили молитвъ...¹⁾. А какъ были рады наши воины, когда священникъ пойдетъ по траншеямъ во время бомбардировки, чтобы дать возможность имъ и въ это время поцѣловать Св. Крестъ и окропиться св. водой; всюду и отъ всѣхъ слышался одинъ только возгласъ: «слава Тебѣ, Господи...»

¹⁾ 22-го ноября подъ Высокой горой рота пробѣгала рысью мимо меня, спѣша на помощь товарищамъ. Офицеръ, шедшій во главѣ, подошелъ подъ благословеніе, а за нимъ и вся рота. Чтобы удовлетворить этой душевной потребности и не задерживать ихъ, пришлось и самому бѣжать, на ходу благославляя ихъ, но благословить всехъ не удалось, потому что выстрѣлами непріятеля нѣсколько человѣкъ было ранено; необходимо было и причастить Св. Тайнъ и перевязать раны: въ этомъ мѣстѣ не оказалось ни санитаровъ, ни фельдшеровъ.

Здѣсь въ Россіи каждый имѣеть теплый уголокъ, а тамъ жилище — окопы, траншеи, въ которыхъ наши воины сидѣли безвыходно; грязно, тяжелая атмосфера, вѣтрено, холодно. Постель солдата таже холодная, сырая земля, но и на этой постелѣ ему не приходилось отдыхать спокойно; днемъ перестрѣлка, ночью—нужно опарывать все, что за день было разрушено снарядами непріятеля, а во время сильныхъ штурмовъ нечего было и думать объ отдыхѣ. Люди до того утомлялись, что нѣкоторые изъ нихъ во время боя засыпали.

При мирной обстановкѣ человѣкъ, какими бы ограниченными средствами ни располагалъ, всетаки найдетъ возможнымъ во время поѣсть здоровой пищи; тамъ же за послѣднее время люди могли утолять голодь или до разсвѣта или съ наступленіемъ темноты: обстрѣлъ непріятеля не давалъ возможности подвозить пищу къ позиціи. Пища—хлѣбъ изъ муки самаго крупнаго помола, рисъ и два раза въ недѣлю по $\frac{1}{4}$ фн. конины, мулятины, осятины, при полномъ отсутствіи какой бы то ни было зелени. Изнуренные, истощенные люди, безъ обуви, съ единственной парой бѣлья, которая буквально тлѣла на тѣлѣ, заболѣвали тифомъ, цингой; это, по истинѣ, были живые трупы.

При несчастныхъ случаяхъ здѣсь мы всегда имѣемъ возможность обратиться за медицинскою помощью и пользоваться уходомъ и покоемъ; тамъ же израненные, искалѣченные, пока доносили ихъ до перевязочнаго пункта, переносили ужасныя страданія, а чтобы получить настоящую помощь въ госпиталяхъ, куда ихъ и направляли, имъ приходилось нерѣдко дожидаться по 12 и больше часовъ; не было и не могло быть столько врачей, чтобы удовлетворять всѣхъ въ короткое время.

Послѣ раненія и всѣхъ страданій человѣкъ уже въ правѣ былъ рассчитывать на извѣстный покой, но врагъ, ожесточенный сильнымъ сопротивленіемъ, видимо, желалъ дѣйствовать на всѣхъ морально и поэтому сталъ разбивать госпитали 6-дм. и 11-дм. снарядами, о разрушительномъ дѣйствіи которыхъ могутъ знать только тѣ, кто былъ на театрѣ современной войны.

Искалѣченные воины въ однихъ халатахъ, въ одномъ бѣльѣ, въ туфляхъ, босикомъ выползали изъ госпиталя и растерянно жались къ первой стѣнѣ или забору, дрожа отъ страха и холода; время было уже зимнее. Тѣхъ же, которые при всемъ желаніи, не могли двинуться съ мѣста, опускали въ подвалы, разносили по другимъ госпиталямъ. Я былъ очевидцемъ,

какъ около 50 израненныхъ офицеровъ помѣстили въ тѣсномъ и сыромъ подвалѣ. Были здѣсь безъ рукъ, безъ ногъ, съ прострѣленной грудью, животомъ; всѣ лежали вплотную. Гніеніе ранъ, медикаменты, запахъ лампъ и т. п., все это, вмѣстѣ взятое, создавало весьма тяжелую атмосферу.

О тѣхъ, кто сложилъ свою голову на полѣ брани, кто сдѣлался жертвой пули врага или разрыва снаряда, я не буду говорить подробно, слишкомъ тяжела эта картина... Могу сказать одно, что къ браннымъ остаткамъ тѣла нашихъ героевъ воины-товарищи относились съ особымъ уваженіемъ. Были такіе дни, когда для уборки труповъ могли назначить не болѣе 3—4 человекъ (солдатъ) и, притомъ, немощныхъ, слабыхъ, только вышедшихъ изъ госпиталей; остальные были китайцы. И, не смотря на тотъ тяжелый трудъ, когда имъ приходилось сложить въ одну братскую могилу до 90 труповъ, они не позволяли китайцамъ помогать имъ въ этомъ, дѣлали сами, а китайцамъ предоставляли только рыть могилы и засыпать трупы. Трупы старались прикрыть изорванными, окровавленными шинелями съ этихъ же убитыхъ. Надъ могилой всегда старались поставить крестъ, сдѣланный изъ двухъ дощечекъ или связанный изъ двухъ палокъ; на крестѣ вѣшали крестикъ или икону, которую снимали съ одного изъ убитыхъ. Нерѣдко трупы убитыхъ собирали ночью, а потому случалось среди труповъ нашихъ воиновъ видѣть трупы японскихъ солдатъ и офицеровъ. Наши воины не оставляли ихъ безъ вниманія, они хоронили эти трупы въ отдѣльной могилѣ и надъ могилой ставили палку или клали 1—2 большихъ камня. Погребеніе совершалось во всякое время дня и ночи.

Вотъ, слушатели христіане, тѣ условія, при которыхъ жили и боролись защитники Артура. Мы забывали близкое, дорогое нашему сердцу—свои семьи, своихъ родныхъ, мы жили одними тяжелыми впечатлѣніями при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; для насъ поспать 3—4 часа съ увѣренностью, что завтра встанешь, да чѣмъ либо утолить голодъ своего бранныго тѣла—было счастье. И, не смотря на такія условія жизни, на такія страданія, не было ни ропота, ни недовольства, всѣ были проникнуты сознаніемъ долга—бороться и умирать. Русскій воинъ стоялъ, защищался до тѣхъ поръ, пока его уносили съ позиціи или раненымъ или мертвымъ, а умиралъ онъ по русски, по православному. Во время штурма Угловой горы одинъ стрѣлокъ съ перебитыми обѣими ногами, съ прострѣленной грудью, сохранилъ еще сознаніе на нѣсколько минутъ, во время которыхъ успѣлъ сказать: «исполнилъ все, что долженъ былъ исполнить по долгу, по при-

сягбъ, а теперь, Господи, прости мои вольныя и невольныя прегрѣшенія». Въ другихъ мѣстахъ среди труповъ приходилось видѣть убитыхъ съ приподнятой правой рукой, пальцы которой были сложены для крестнаго знамени. Какъ великъ и могучъ русскій воинъ! Эту силу нашему воину дала его глубокая вѣра и безпредѣльная любовь къ своему отечеству, а этимъ всеѣмъ онъ обязанъ воспитанію матери-церкви. Если на Руси сохранились еще эти драгоцѣнныя качества, если живъ еще духъ славныхъ нашихъ предковъ времени Минина и Пожарскаго, 1812 г., Севастопольской обороны и 1877—78 гг., мы должны всеѣми силами стараться вразумить, объяснить, успокоить неспокойныхъ, недовольныхъ, соединиться воедино на помощь нашимъ борцамъ. Да, наконецъ, всеѣ обязаны это сдѣлать во имя тѣхъ страданій, какія несутъ наши защитники чести и достоинства Россіи на Дальнемъ Востоку. Врагъ силенъ количествомъ своей арміи и единеніемъ всего своего народа, но при всеѣмъ этомъ умѣетъ пользоваться трудными обстоятельствами своего противника, а потому всякія забастовки, остановки въ выработкѣ нужныхъ для войны матеріаловъ, остановка въ движеніи на востокъ войскъ, словомъ, отвлеченіе вниманія на внутренніе порядки—противнику нашему на руку. Нашимъ защитникамъ безпорно нужна помощь, но если они будутъ знать, что за ними готова пойти вся Русь, какъ одинъ человекъ, духъ ихъ укрѣпится, и они съумѣютъ постоять и сами. Одни трудятся на пользу и славу Россіи, другіе—тѣже сыны Россіи—нравственно обязаны помогать имъ во всеѣмъ, а тогда не будутъ страшны никакія силы вражескія. Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.

Священникъ 5-го Вост.-Сиб. стрѣлк. полка Василій Слюнинъ.

ПОУЧЕНІЕ—ПАМЯТКА ¹⁾

прибывшимъ на укомплектованіе чинамъ 55-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Вновь прибывшіе въ нашъ полкъ, дорогіе войны! Въ былыя времена наши дѣды и прадѣды умѣли крѣпко стоять за отечество. Оставили они намъ Русь съ именемъ великой, святой и непобѣдимой и завѣщали передавать ее изъ рода въ родъ не побѣжденною и опозоренною, но еще болѣе славною и возвеличенною.

Теперь настала ваша очередь: васъ благословили отцы и матери, васъ послалъ нашъ Державный Вождь въ помощь своимъ доблестнымъ полкамъ, которые грудью стоятъ здѣсь противъ темныхъ силъ японскихъ, внезапно, какъ саранча, напавшихъ на наше Отечество и дерзко вызвавшихъ на жестокой бой.

Вы прибыли въ одинъ изъ славныхъ боевыхъ полковъ. Нашъ полкъ борется съ врагомъ уже 12 мѣсяцевъ. Въ немъ все обстрѣляные, закаленные въ бояхъ стрѣлки.

Есть лица—офицеры и нижніе чины, совершившіе истинно геройскіе подвиги (у насъ 515 георгиевскихъ кавалеровъ: имѣющихъ знакъ отличія 4 ст.—503 и 3 ст.—12). О нихъ повѣдаютъ вамъ ваши старшіе товарищи. Въ полку были убитые, были раненые (ихъ было не мало ¹⁾), но полкъ не испыталъ пораженія. Были для полка неудачи, были трудные дни; въ походѣ приходилось переносить все—и холодъ, и зной, и бессонныя ночи,—видѣть, не смотря на заботы начальства, только воду и сухарь, но не было и тѣни ропота, не было упадка духа. Ибо каждый знаетъ, что не время и не мѣсто теперь малодушію и унынію, такъ какъ, кто тяготится лишеніями боевой жизни, кое-какъ, какъ постылую работу, отбываетъ службу, и, неувѣренный въ побѣдѣ надъ врагомъ, занимается тѣмъ, что чинить обиды тихимъ труженикамъ—мѣстнымъ земледѣльцамъ, тотъ есть по всей справедливости дурной солдатъ и ненадежный боецъ, тотъ есть безсозна-

¹⁾ Отлитографированное и розданное по нѣскольку экземпляровъ на роту и въ охотничьи команды.

²⁾ Всего изъ полка вышло: офицеровъ 54, нижн. чиновъ 1771; изъ нихъ убитыми: офицеровъ 3 (подполк. Владиміровъ, капит. Перехвальскій, подпоруч. Архангельскій), нижн. чин. 175; ранеными: офицеровъ 28, нижн. чин. 1225; контуженными: офицеровъ 23, нижн. чиновъ 371, 1 полковой священникъ (нынѣ Полевой Главный священникъ) и 4 врача.

тельный союзникъ японцевъ и измѣнникъ русскому дѣлу и воинской присягѣ. А въ полку вы становитесь въ ряды такихъ стрѣлковъ, которые честно, не уклоняясь ни направо, ни налево, на совѣсть исполнили и исполняютъ свою воинскую присягу. Многіе изъ нихъ принесли свою молодую жизнь, хотя и дорожили ею какъ и всѣ, принесли ее какъ свѣчу предъ иконою, какъ чистую жертву долгу предъ Государемъ и Отечествомъ. На ихъ подвигахъ, на ихъ бѣлыхъ костяхъ, какъ на незыблемомъ фундаментѣ, орошенномъ ихъ праведною кровію, возрасло и утвердилось священное полковое знамя (пожалованное 10 сент. 1904 г.). Къ подножію этого знамени покорно и беззавѣтно слагали свои головы, несли боевыя доблести новые и новые бойцы, постепенно поднимая его на недостижимую высоту.

Вамъ, оставляя незапятнанными высокую честь и достоинство этой таинственной полковой хоругви, вмѣстѣ съ винтовками, переданными изъ ихъ ослабѣвшихъ рукъ въ ваши сильныя руки, они передали и свой священный завѣтъ: довершить ихъ подвигъ, постоять за Русь святую и за ихъ пролитую кровь. Завѣщали—съ новою силою ударить на врага, не боясь ранъ: ихъ, съ любовью къ вамъ, перевяжутъ ваши друзья, полковые врачи и фельдшера;—не страшась и смерти: умирающаго приобшу я Св. Тайнъ, а убиеннаго—и православнаго, и старообрядца, и католика, и лютеранина предадимъ мы землѣ съ честью, какъ на далекой милой родинѣ.

Прахъ убиеннаго навсегда сокроется изъ очей нашихъ въ нѣдрахъ земли, а честная душа его предстанетъ на небо, гдѣ убиеннаго воина въ предверіяхъ рая—мы вѣруемъ—встрѣтитъ Самъ Христосъ: «благой рабъ и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего» (Евангел.). Слезы сиротъ малыхъ (у кого они останутся) за службу вѣрную осушитъ Царь-батюшка. Не забудетъ ихъ и родной полкъ¹⁾.

Геройскую смерть погибшихъ во славу русскаго оружія и въ назиданіе будущимъ бойцамъ не забудетъ и признательная родина: со временемъ, вмѣсто скромнаго креста, ихъ могильные холмы среди этихъ суровыхъ сопокъ, безмолвныхъ свидѣтелей ихъ доблести, увѣнчаетъ памятникъ, съ тѣмъ-же христіанскимъ символомъ страданій и побѣды (съ крестомъ святымъ), но достойный ихъ великаго духа и великой Россіи.

Этому великому духу нашего воина всегда и всѣ, даже недруги наши, удивлялись, вида, напримѣръ, въ минувшую турецкую войну, какъ онъ,

¹⁾ Въ помощь сиротамъ убитыхъ стрѣлковъ въ полку имѣется денежный фондъ, слагаемый изъ пожертвованій офицеровъ.

русскій воинъ, храбро сражался, терпѣливо переносилъ всѣ лишенія, безропотно, съ крестнымъ знаменіемъ умиралъ отъ ранъ, дѣлился послѣднимъ сухаремъ съ бѣднякомъ болгаринномъ. Дивились и недоумѣвали: откуда онъ беретъ такія высокія качества?

Все это дала ему твердая вѣра Христова, вѣра въ то, что ни одинъ волосъ съ головы человѣческой не упадетъ безъ воли Отца Небеснаго, — вѣра въ то, что смерть за ближнихъ есть дѣло великой евангельской любви, заповѣданной Христомъ: *«Больше сея любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя»*.

И мы, Господи, вѣруемъ! Помози нашему невѣрію, чтобы не одолѣла насъ мгла невеселыхъ безотрадныхъ думъ! Вѣруемъ, что когда-бы и гдѣ ни находились: днемъ-ли или въ часъ ночной, на вершинѣ-ли сопки или въ чистомъ полѣ и окопѣ, на каждаго, съ великаго свода небеснаго, незримо для насъ, назираетъ Всевидящее Око Божіе, готовое вѣрному воину помощь подать. *«На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки»*.

Грядите-же, дорогіе воины, съ этимъ сознаніемъ, грядите въ предлежащій вамъ боевой подвигъ, совершайте его до конца. *«Претерпѣвый-же до конца, сей спасенъ будетъ»*.

Будетъ спасенъ и вернется домой не съ поникшей отъ пораженія и горя головой, а славнымъ побѣдителемъ: возвѣститъ онъ печальной родинѣ солнце мира и торжества и утретъ слезы печали.

Полк. свящ. 33-й Вост.-Сибир. стрѣлк. полка *А. Богословскій*.

Трогательное молебствіе для прибывшихъ въ Симферопольскій мѣстный лазаретъ защитниковъ Портъ-Артура.

18-го іюня текушаго 1905 г. американскій пароходъ «Гаронна» высадилъ въ г. Феодосіи 600 человѣкъ защитниковъ крѣпости Портъ-Артура, привезенныхъ изъ Шанхая. Вся эта партія была распределена по ближайшимъ военнолѣчебнымъ заведеніямъ. Часть этихъ больныхъ, въ количествѣ 60 человѣкъ, прибыла 21-го и 22-го іюля въ Симферопольскій мѣстный

военный лазаретъ. Узнавъ о прибытіи въ помянутый лазаретъ защитниковъ Портъ-Артура, я въ тотъ же день (22-го числа) посѣтилъ героевъ и предложилъ имъ свои пастырскія услуги. Увидѣвши священника, всѣ они очень обрадовались и почти съ перваго же слова обратились ко мнѣ съ вопросомъ. — «Батюшка! здѣсь есть церковь? намъ хочется отслужить благодарственный молебенъ о благополучномъ прибытіи въ Россію».

Я отвѣтилъ, что церкви при здѣшнемъ лазаретѣ нѣтъ, но есть часовня, въ которой можно будетъ отслужить молебенъ.

— «Пожалуйста, батюшка, отслужите намъ молебенъ въ часовнѣ: нужно поблагодарить Господа за благополучное возвращеніе въ родную землю», сказали больные.

Молебенъ рѣшено было отслужить на другой день въ часъ за полдень.

Прибывши 23-го іюля къ назначенному часу въ лазаретъ съ церковниками, я распорядился поставить въ часовнѣ скамейки и стулья для увѣчныхъ богомольцевъ. Когда было все готово, изъ разныхъ корпусовъ лазарета и изъ раскинутыхъ на дворѣ палатокъ потянулись въ часовню калѣнки-богомольцы: кто на костылѣ, кто опираясь на палочку, кто облокотившись на плечо другаго; однорукій помогалъ одноному. Печальная картина! Черезъ четверть часа часовня была полна сидящихъ и стоящихъ богомольцевъ. Передъ началомъ службы каждый изъ богомольцевъ купилъ свѣчку, чтобы поставить ее предъ иконами. Усердіе трогательное!

Сказавши подобающее случаю наставленіе, я поспѣшно началъ совершать благодарственный молебенъ съ водосвятиемъ, присовокупляя на эктеніяхъ къ благодарственнымъ прошеніямъ и прошенія объ исцѣленіи болящихъ. Нѣкоторые изъ больныхъ подпѣвали церковникамъ, а когда, во время погруженія св. креста въ воду, запѣли тропарь «спаси Господи люди Твоя».., пѣніе сдѣлалось всеобщимъ. Слезы вызывало это восторженное общее пѣніе молитвы за Царя и Отечество, выливающееся изъ грудей тѣхъ, кто пролилъ свою кровь, защищая честь отечества и славу Русскаго царя.

Приложившись ко св. кресту и окропленные освященною водою, радостно, съ сознаниемъ исполненнаго долга, стали расходиться мои рѣдкіе богомольцы по своимъ помѣщеніямъ. Каждому изъ нихъ мною были даны брошюрки духовно-нравственнаго содержанія.

Протоіерей Литовскаго пѣх. полка *Павелъ Преображенскій*.

«Смерть да Божій судъ вездѣ найдутъ»¹⁾.

(Разсказъ).

Война рождаетъ героевъ. И въ настоящую тяжелую для насъ войну съ Японіей тысячи и десятки тысячъ и даже сотни тысячъ, а, пожалуй, и всѣ до единого изъ нашихъ православныхъ воиновъ, проявляютъ подвиги героизма на Дальнемъ Востокѣ и проливаютъ свою кровь за вѣру, Царя и родину. Вѣрность присягѣ, сознаніе своего долга, неустрашимость и самопожертвованіе—вотъ, черты русскаго воина! Съ священнымъ девизомъ: *съ нами Богъ!*—отправилось наше воинство, съ этимъ же девизомъ идетъ и каждый солдатъ! Тысячи отправились добровольцами... Но, навѣрное, находились и найдутся люди, которые стараются какъ-нибудь избавиться отъ необходимости идти на войну, считая себя дома въ большей безопасности. А что еще вѣрнѣе, такъ это то, что очень много найдется такихъ отцовъ, въ особенности, матерей, которые отдали бы все, чтобы оставить сына при себѣ. Объясняютъ это любовію къ сыну, но такая любовь эгоистична и не законна, а по отношенію къ военнымъ прямо таки преступна.

И такая любовь, въ ущербъ долгу, присягѣ и чести, часто наказывается Богомъ.

Въ подтвержденіе этого и въ назиданіе такимъ родителямъ, которые удерживали бы какими-либо средствами своихъ дѣтей отъ исполненія воинскаго долга, я и хочу разсказать одинъ случай.

Это было въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ то время у насъ была непрерывная почти война съ горцами. На Кавказѣ постоянно находилось наше войско. Мы не беспокоили и не притѣсняли горцевъ. Но это уже былъ такой беспокойный народъ, который не могъ усидѣть мирно на мѣстѣ. И, вотъ, какъ горцы бывало черезчуръ развольничаются, посылались войска, происходили кровавыя стычки; гнѣзда, гдѣ они особенно скоплялись, раззорялись, а войска возвращались на мѣсто стоянки. Но не проходило и мѣсяца, какъ горцы появлялись въ другомъ мѣстѣ, и войска опять отправлялись въ бой. И такъ повторялось непрерывно.

Служили въ войскѣ на Кавказѣ въ одномъ полку два брата--офицера, Аркадій и Борисъ Николаевичи Б. Оба они были хорошими и исправными офицерами, но младшій не былъ такимъ удалцомъ, какъ старшій. У Аркадія къ тридцати годамъ почти вся грудь была увѣшана отличіями и объ его

¹⁾ Кормчій, № 12, 1905 г., стран. 141.

подвигахъ ходили сотни рассказовъ какъ между офицерами, такъ въ особенноти между обожавшими его солдатами. Онъ неутомимо былъ впереди всѣхъ, бралъ завалы, раззорялъ аулы и покрывалъ себя все большею славою. И, вотъ, его сдѣлали ротнымъ командиромъ. Что же онъ дѣлаеть? Онъ тотчасъ же начинаетъ хлопотать о переводѣ брата въ другую роту. И когда его спросили, почему онъ такъ поступаетъ, онъ отвѣчалъ:

— «Боюсь, чтобы меня въ несправедливости не обвинили, не заподозрили бы въ поблажкахъ брату».

Всѣ его поняли, оцѣнили и еще болѣе полюбили. И это потому, что изнѣженность его брата была всѣмъ извѣстна. И, въ самомъ дѣлѣ, странно было служить въ краѣ, гдѣ была постоянная война и не участвовать ни въ одномъ дѣлѣ. А съ Борисомъ, именно, такъ и было. Онъ находился то при штабѣ, то устраивался при канцеляріи, то просто лежалъ въ лазаретѣ. И, по справедливости надо сказать, что не самъ онъ это дѣлалъ, а все устраивала ему мать... Вдова извѣстнаго на Кавказѣ генерала Б., мать Бориса была женщина, нельзя сказать, что глупая, но, какъ у насъ говорится, пустая баба. Она имѣла много дѣтей, но почему-то на Бориса изливалась вся ея несурзная любовь. Она баловала его до-нельзя, она нѣжила его, какъ куклу, и только объ одномъ мечтала, чтобы ея Боря былъ постоянно при ней, находился подъ ея крылышкомъ.

Она бы, по своему, не отдала его и въ военную службу; но этого сдѣлать было нельзя: сыну извѣстнаго генерала не удобно было не служить. Теперь у ней только и думъ было, какъ бы Борисъ прослужилъ извѣстный срокъ и съ честію вышелъ въ отставку.

Съ Аркадіемъ у ней изъ-за этого были постоянныя непріятности. Онъ горячо стоялъ за то, что мужчинамъ нужно служить, и генеральша, и такъ не долюбливавшая почему-то его, совсѣмъ, наконецъ, разсорилась съ нимъ и они рѣдко видѣлись.

— «Ахъ!», говорила она, если кто спрашивалъ ее про Аркадія, «онъ меня не понимаетъ! Огрубѣлъ совсѣмъ съ своими солдатами.... Онъ мнѣ нервы разстраиваетъ. Я его грубостей выносить не могу»...

Не могла ослѣпленная мать цѣнить своего сына!

Но, вотъ, назначенъ былъ одинъ изъ большихъ походовъ. Горцы слишкомъ уже зазнались. Нужно было ихъ хорошенько проучить, нужно было отбить у нихъ охоту къ возмущеніямъ. Рѣшено было взять ихъ крѣпость Ахту, гдѣ они собрались большими силами и которую считали неприступной.

Все ожило, все заволновалось въ нашихъ войскахъ!.. Тѣ изъ офицеровъ, которые не могли попасть въ походъ по назначенію, просились добровольцами. Пришлось идти и Борису. Какъ ни хлопотала его мать, сдѣлать ничего было нельзя: батальонъ, въ которомъ онъ числился, шелъ въ полномъ составѣ, и ему необходимо было идти. Тогда мать Бориса пустилась на хитрость. Не пришлось ему пробыть и мѣсяца въ дѣйствующемъ отрядѣ. не успѣлъ онъ, что называется, и понюхать порохового дыма, какъ съ каждой почтой къ начальству летѣли письма генеральши, что она умираетъ и проситъ прислать *хоть* младшаго сына проститься съ ней, такъ какъ старшій, командуя ротой, *впрямую*, не можетъ оставить службы во время военныхъ дѣйствій. Мало этого, у ней нашлись друзья, которые замолвили словечко, кому слѣдуетъ—и, вотъ, когда началась настоящая война съ горцами, Борисъ уже находился у одра умирающей матери. Впрочемъ, съ прїѣздомъ сына, генеральша быстро возстала со смертнаго ложа.

Походъ кончился, крѣпость была взята, горцы прогнаны. Войска съ торжествомъ возвращались домой. Солдаты были оборваны, истомлены, но бодры духомъ. Ряды ихъ сильно порѣдѣли. Недоставало и многихъ офицеровъ. Народъ всюду радостно встрѣчалъ своихъ храбрыхъ защитниковъ.

Много было слезъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ, потерявшихъ кто мужа, кто брата, кто другого кого близкаго. Но больше было радости. Жены и матери возвращавшихся героевъ, сгорая нетерпѣніемъ ихъ видѣть, цѣлыми группами выѣзжали имъ на встрѣчу.

Аркадій Б. особенно отличился въ этотъ походъ. Онъ показалъ чудеса храбрости. Онъ всюду былъ впереди, своимъ примѣромъ вдохновляя солдатъ. Онъ чуть-ли не первымъ взшелъ на стѣну взятой крѣпости. Его представили сразу къ двумъ наградамъ — къ слѣдующему чину и къ золотой шашкѣ «за храбрость».

Но генеральша не поѣхала встрѣчать сына. У генеральши была гостья, одна изъ ея знакомыхъ. Генеральша лежала въ длинныхъ креслахъ, въ щегольскомъ неглиже, въ качествѣ выздоравливающей. Гостья поздравляла ее съ поправленіемъ здоровья и съ наступающей радостью свиданія съ Аркадіемъ, возвращающимся съ наградами, о чемъ уже всѣмъ было извѣстно. А генеральша, къ ея удивленію, приняла это очень равнодушно.

Въ это время вошелъ Борисъ «проститься съ матерью». Онъ былъ въ щегольскомъ мундирѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ фуражкой въ рукѣ. Онъ

ѣхаль верхомъ встрѣчалъ отличившагося брата и товарищей. Онъ искренно, отъ души радовался за брата.

— «О, Аркадій нашъ—настоящій герой!» говорилъ онъ гостѣ, когда она сказала ему о братѣ. — «Онъ настоящій русскій богатырь!» Борисъ вышелъ.

— «А вѣдь, небось, жаль вамъ теперь, генеральша, что вы требовали къ себѣ младшаго сына-то?» говорила гостья по уходѣ Бориса. «Вернулся бы и онъ теперь съ наградами, да отличіями».

— «О, нѣтъ!» отвѣчала генеральша. «Богъ съ нами, съ наградами и отличіями. Я до тѣхъ поръ не успокоюсь, когда Борисъ выйдетъ въ отставку».

— «Что вы, что вы?» заговорила гостья, «будто безъ войны люди не умираютъ! Чему быть, того не миновать!.. Да вотъ вашъ Аркадій, сколько разъ онъ участвовалъ въ самыхъ отчаянныхъ стычкахъ—и всегда впереди, и, всетаки, возвращается цѣлъ и невредимъ».

— «Ну, и дай ему Господи!.. А, всетаки, и онъ былъ два раза раненъ. Нѣтъ», продолжала генеральша, «я уже и мѣсто Борису пріискала; пускай переходитъ на гражданскую службу. Все будетъ спокойнѣе».

Не успѣла генеральша договорить послѣднихъ словъ, какъ съ подъѣзда послышался какой-то шумъ, слышны были крики... по дому началась суетня и бѣготня. Очевидно, что-то случилось, но что? генеральша и гостья ея не знали.

Вдругъ вбѣгаетъ горничная генеральши, на ней лица нѣтъ, глаза блуждаютъ, она, какъ сумашедшая, кричитъ:

— «Ваше превосходительство, ваше превосходительство! Несчастье-то какое! Убило, убило»!...

— «Кого убило? гдѣ убило?» спрашивала встревоженная, но еще далекая отъ истины генеральша.

Горничная, должно быть, обезумѣла отъ страха. Она только повторяла: «убило, убило, должно, на смерть убило».

— «Да говори ты толкомъ!» прикрикнула на нее генеральша.

Горничная немного пришла въ себя.

— «Да баринъ-то, Борисъ Николаевичъ-то», стала она рассказывать, «только что на лошадь-то успѣлъ вскочить, дали ей шпоры, лошадь съ мѣста въ галопъ, а тутъ изъ—подъ сосѣдскихъ воротъ—курица шастъ коню

подъ ноги, а онъ на дыбы, да въ сторону... А баринъ-то съ него на земь, да никакъ прямо головой о тумбу ударился. Такъ замертво и лежитъ».

— «Ай, Господи!» вдругъ вскрикнула она. «Глядите, глядите, никакъ и песутъ».

И она вдругъ выскочила изъ комнаты.

Перепуганная, половины непонимающая, генеральша бросилась вслѣдъ за горничною и вошла въ переднюю въ тотъ самый моментъ, когда люди вносили въ нее безжизненный окровавленный трупъ ея любимца Борюшки.

На генеральшу страшно было взглянуть. Лице ея искривилось, помертвѣло, все подергивалось судорогами. Глаза остановились. Казалось, она сейчасъ упадетъ мертвая рядомъ съ тѣломъ своего сына.

И она, правда, едва не умерла послѣ этого. Она тяжело занемогла и долго хворала, а когда немного поправилась, никто изъ знавшихъ ее прежде не узналъ бы ее теперь: до того она измѣнилась.

Съ Борисомъ все такъ, именно, и случилось, какъ рассказывала горничная.

Берегла, берегла его мать отъ вражескаго меча, отъ честной и славной смерти въ бою, а онъ погибъ тутъ дома, почти на глазахъ у нея. И отъ чего? Оттого, что какая-то шальная курица не во время выскочила изъ воротъ и испугала его коня!..

И это въ тотъ самый день, когда старшій братъ его возвращался цѣлъ и невредимъ изъ-подъ пұль и шашекъ вражескихъ, изъ многихъ кровопролитныхъ схватокъ съ непріателемъ, увѣчанный славою и честію.

По истинѣ, «смерть, да Божій судъ—вездѣ найдутъ!»

П. С.

Нежелательныя явленія въ обыденной и служебной дѣятельности среди военнаго духовенства, указанныя г. офицеромъ.

Позволяю себѣ высказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ рѣзко бросающихся въ глаза, нежелательныхъ явленіяхъ, а, въ иныхъ случаяхъ, даже несуразностяхъ, въ обыденной жизни и служебной дѣятельности среди военнаго духовенства, такъ непосредственно близко стоящихъ къ намъ военно служащимъ.

Крайне неприятно дѣйствуетъ на меня, и на мой установившійся взглядъ о чиновничествѣ, то обстоятельство, когда нѣкоторые изъ діаконовъ военнаго вѣдомства, при встрѣчѣ съ священниками своего причта, не только не подходятъ подъ благословеніе, но даже позволяютъ себѣ небрежно кланяться имъ!.. Вотъ, это-то ненормальное явленіе въ обыденной жизни военнаго духовенства, къ счастью рѣдко попадающееся, деморализующее въ корнѣ отношенія младшаго къ старшему, положительно не понятно для меня; тѣмъ болѣе, что, вѣдь, всякій діаконъ прекрасно понимаетъ, какъ значительно ниже поставленъ онъ по отношенію къ священнику своего причта въ служебномъ отношеніи и, кромѣ того, въ силу каноническихъ правилъ.

Перехожу далѣе...

Нерѣдко случается мнѣ наталкиваться на діаконовъ, не получившихъ даже средняго никакого образованія (конечно, читать, писать и четыре правила ариѳметики они знаютъ), а, между тѣмъ, денежное содержаніе, получаемое ими, нисколько почти не уступаетъ денежному содержанію, получаемому священникомъ; вотъ, въ этомъ-то, по моему мнѣнію, и заключается какая-то несуразность!.. Да и дѣйствительно, священникъ, прежде чѣмъ достигнуть своего сана, въ потѣ лица, въ теченіе 10—11 лѣтъ умственнаго и физическаго труда въ стѣнахъ духовныхъ училища и семинаріи, получивъ, наконецъ, священническое мѣсто съ присвоеннымъ ему денежнымъ содержаніемъ, наталкивается на штатнаго діакона собора, не получившаго образованія, не говоря уже о спеціально духовномъ, но дѣло въ томъ, что этотъ діаконъ въ матеріальномъ отношеніи обезпеченъ отъ казны почти такъ же, какъ и прибывшій священникъ, и послѣдній, конечно, становится въ тупикъ, натолкнувшись на такой безусловно ненормальный фактъ!.. Такого рода курьезы можно было-бы легко уничтожить, повысивъ только уровень образованія для діаконовъ, а затѣмъ уже предоставляя имъ соотвѣтствующія мѣста, смотря по достоинствамъ каждаго, вмѣстѣ съ этимъ

требовать отъ нихъ обязательно нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ церковнаго пѣнія и умѣнія, хотя посредственно, руководить церковнымъ хоромъ; эта рекомендаемая мною мѣра можетъ привести къ тому, что въ будущемъ вакансіи штатныхъ діаконовъ военныхъ соборовъ будутъ предоставляться только выдающимся діаконамъ или псаломщикамъ.

Не могу не высказать своего сожалѣнія и даже удивленія по поводу того, какъ одинъ изъ діаконовъ, не смотря на свою болѣе чѣмъ продолжительную службу въ діакономъ санѣ, до этихъ поръ при чтеніи евангелія и, особенно, при провозглашеніи многолѣтія оканчиваетъ послѣдніе слова на такой неимоверно высокой и несоответствующей его голосу нотѣ, что присутствующимъ въ храмѣ вчужь страшно становится за цѣлость голосовыхъ связокъ у такого діакона, а молящіеся поневолю принуждены испытывать болѣзненные ощущенія своихъ барабанныхъ перепонокъ.

Мнѣ кажется, что такому діакону не мѣшало бы никогда не упускать изъ виду, что «домъ Божій», въ которомъ священникомъ приносится безкровная жертва Всевышнему Творцу, не есть залъ для упражненія въ вокализации и испытанія высоты голосовыхъ регистровъ; кромѣ того, не слѣдуетъ ему также забывать того, что, благодаря такому неестественно — дикому крику, приводящему молящихся въ трепетъ (только не религіозный), сіи послѣдніе лишаются такимъ образомъ возможности въ благоговѣйной тишинѣ воздать хвалу Богу и проникнуться святостію мѣста.

Пользуюсь случаемъ еще разъ подѣлиться своими мыслями относительно моего искреннаго и неуклоннаго желанія, чтобы руководителями и организаторами церковныхъ хоровъ въ войскахъ были, именно, діаконы или псаломщики, съ соответствующей подготовкой въ этомъ отношеніи (о какихъ именно псаломщикахъ я упоминаю теперь, мною очень ясно изложено въ № 24 Вѣст. Воен. Духовенства за 1904 г. и № 2 и № 3-мъ за 1903 годъ того же журнала), такъ какъ офицеры, назначаемые командирами полковъ для этой многотрудной обязанности и, при этомъ еще помимо своего личнаго желанія и инициативы, въ большинствѣ случаевъ обладаютъ слишкомъ незначительными свѣдѣніями изъ этой отрасли искусства, а если и найдется между ними свѣдущій человѣкъ въ этомъ отношеніи, то онъ положительно физически не въ состояніи заняться съ хоромъ, благодаря тому, что у него много своихъ специально военныхъ занятій и, особенно, въ дѣтнее время.

Упомяная объ этомъ, не могу не удивляться нѣкоторымъ младшимъ чинамъ изъ числа церковнаго причта, которые позволяютъ себѣ иронизировать надъ хоромъ, руководимымъ официально офицеромъ-регентомъ поневолю, не принимая во вниманіе при этомъ того, что, можетъ, у этого офицера-регента на рукахъ есть и другія занятія специально военнаго характера которыя, въ настоящую войну съ Японіей будутъ для него нѣсколько поважнѣе, чѣмъ церковное пѣніе. Къ тому же, нужно всегда помнить, что критиковать не въ примѣръ легче, чѣмъ самому что нибудь создать; кромѣ того, критикъ долженъ имѣть подъ собою твердую почву въ смыслѣ знанія церковнаго пѣнія и, при этомъ, довольно основательно; въ данномъ же случаѣ выходитъ какъ то ужъ очень смѣшно, чтобы не сказать болѣе, такъ какъ указанныя мною, въ данномъ случаѣ, лица, взявшія на себя смѣлость иронизировать надъ хоромъ и его руководителемъ, въ свою очередь, отличаются самыми примитивными свѣдѣніями въ этомъ отношеніи, а одинъ изъ нихъ даже не имѣетъ понятія о нотахъ!!...

Хотя и рѣдко, но мнѣ, все таки, приходилось встрѣчать нѣкоторыхъ младшихъ членовъ церковныхъ причтовъ, которые слишкомъ часто рапортуются больными и, такимъ образомъ, въ силу своего болѣзненнаго состоянія, не принося абсолютно никакой пользы для службы, они въ то-же время представляютъ собою тяжелое бремя и бесполезный элементъ вообще въ военномъ духовенствѣ и тѣмъ самымъ лишаютъ возможности болѣе достойнымъ лицамъ занять эти вакансіи по долгу справедливости. Въ развитіе этого не лишнимъ считаю сказать, что, вѣдь, къ военному духовенству можетъ быть примѣнима въ такихъ случаяхъ та же мѣра, которая примѣняется и къ гг. офицерамъ, часто рапортующимся больными, т. е. само начальство представляетъ такихъ лицъ къ увольненію отъ службы за болѣзнь. Да и въ самомъ дѣлѣ, нельзя-же считать службу духовенства по военному вѣдомству какимъ-то страннопримнымъ домомъ, въ которомъ можно пріютиться и больному, и хромому, и слѣпому; конечно, исключенія есть, но для маститыхъ заслуженныхъ священнослужителей, за которыхъ слишкомъ краснорѣчиво говоритъ продолжительность ихъ службы и награды, полученныя ими за отлично-усердную службу.

Заканчивая свою краткую замѣтку и будучи почти убѣжденъ и увѣренъ, что нѣкоторыя лица изъ состава военнаго духовенства, прочтя мою замѣтку, невольно могутъ сказать по моему адресу: «и чего этотъ офицеръ вдается въ чуждую ему отрасль и мѣшается не въ свое дѣло?» Въ отвѣтъ

на это я могу только сказать, что ненормальные явления и факты въ жизни вообще, весьма естественно, вызываютъ въ любознательномъ человѣкѣ чувства удивленія и недоумѣнія, а, въ силу этого и опять таки по присущей ему любознательности, невольно наталкиваютъ его на искреннее желаніе найти выходъ изъ всего того, что кажется ему неяснымъ и непонятнымъ и что вызываетъ въ немъ удивленіе, смѣшанное съ недоумѣніемъ; выходъ же изъ такого положенія можно отыскать только путемъ печати и разъясненіями, получаемыми отъ вполне компетентныхъ лицъ...

Штабъ-Капитанъ *И. В. Точискій.*

Крѣп. Новогеоргіевскъ
Варшавской губ.

**Дневникъ полкового священника, служащаго на Дальнемъ Восто-
стокѣ, обнимающій время со дня его туда отправленія.**

(Продолженіе).¹⁾

15-е октября.

Проснулся рано, готовлюсь служить и пріобщаться Св. Таинъ, а на-вѣрное не знаю, придется ли. Заснулъ и проснулся съ одною мыслью— молитвой: «Господи! пошли мирный день и хорошую погоду, чтобы мы могли спокойно совершить божественную литургію». Всталъ, иду на дворъ: что-то тамъ? быть можетъ, вѣтеръ? Нѣтъ, слава Богу, тихо; только порядочный морозъ; выстрѣловъ не слышно; кажется, удастся отслужить. Бѣгу въ обозъ. Михайло и Ксенофонтъ собираются, чистятъ коней, сбрую; докладываютъ, что просфоры испеклись хорошія. Запрягли лошадь въ церковную двуколку, я сѣлъ съ Ксенофонтомъ на козлы, Михайло на «друга», и поѣхали къ позиціямъ.

Бдемъ; тихо, морозно; но лучи солнышка начинаютъ уже побѣждать холодъ, и день обѣщаетъ быть хорошимъ. Вдругъ «ухнуло» впереди разъ, другой, третій... Дрогнуло во мнѣ сердце... Неужели «начинается», и намъ не придется привести въ исполненіе святое намѣреніе? Все-таки, бдемъ

¹⁾ См. «Вѣстникъ Воен. Дух-ва» № 15, стр. 474.

дальше; вотъ, и деревня, гдѣ стоятъ эскадроны. Въѣжаемъ на большой огородъ, встрѣчаютъ солдаты съ лопатами и метлами; это они ровняли и мели огородъ для церкви. Нужно было видѣть искреннюю радость, съ которой они бросились помогать ставить церковную палатку! Каждый непременно хотѣлъ что либо сдѣлать. Пришлось выбрать шесть человѣкъ, а остальнымъ велѣлъ идти одѣваться къ службѣ.

Бываютъ и въ земной жизни моменты, когда тихая радость вдругъ нисходитъ въ душу, не смотря ни на какія положенія! Иногда эти моменты бываютъ на мгновение, а иногда на часы и дни... Счастливые святые Божьи люди! они подвигами своими удостоивались такой благодати небесной, что эта «тихая радость» теплилась въ ихъ душахъ даже многіе годы! Что можетъ быть выше счастья, когда загорится въ душѣ огонекъ радости небесной, когда трепещетъ все существо и наполняется миромъ, любовью къ Богу, людямъ, всему сотворенному! Какое изъ земныхъ, мірскихъ наслажденій можетъ дать душѣ этотъ миръ и отраду? Конечно, никакого! Вотъ, это состояніе радости небесной испытывалъ и я въ блаженный день 15-го октября, когда, стоя въ сторонѣ, наблюдалъ за постановкой церкви. Такъ и въ древнія времена, думалось мнѣ, патріархи Авраамъ, Іаковъ и другіе святые строили жертвенники Богу живому для принесенія благодаренія за милости Его и для молитвы объ очищеніи «содѣянныхъ лютыхъ». Теперь и мы, подобно имъ, въ «землѣ чуждей», предъ лицомъ смерти, ставимъ жертвенникъ Господу, чтобы принести безкровную жертву благодаренія за все и съ грѣсѣхъ. Не будемъ унывать или роптать, смиримся, покоримся мудрому промыслу нашего Отца! Ему угодно было попустить войну, попустить народамъ разсудиться честнымъ поединкомъ; не намъ укорять или разсуждать: почему? Его святая воля да будетъ! Лучше устремить всѣ силы существа нашего на мужественное исполненіе нашего долга и присяги до послѣдней капли крови.

Готова церковь; я поставилъ престолъ, облачилъ его, устроилъ жертвенникъ. Какъ благъ, безконечно благъ Господь! По Его милости все способствовало нашему молитвенному торжеству: погода прямо-таки чудная; правда, прохладно немного, но солнышко ярко свѣтило и было полнѣйшее безвѣтріе. Предъ началомъ службы раздалось близко нѣсколько сильныхъ залповъ. Подполковникъ Чайковскій послалъ узнать, не рвутся ли это снаряды. Нѣтъ; оказалось стрѣляли наши осадныя орудія, а японскія «шимозы» не долетали. Собрались эскадроны и около 10-ти часовъ утра св. литур-

гія началась; въ алтарѣ прислуживалъ, конечно, Ксенофонтъ. Служба прошла замѣчательно хорошо, особенно пѣніе. Въ этихъ эскадронахъ самые главные пѣвцы наши и, хотя у нихъ теперь ни нотъ нѣтъ, ни спѣвокъ не бываетъ, однако они такъ складно и вдохновенно пѣли, что, казалось, ангелы спустились къ намъ и свое небесное пѣніе соединили съ нашимъ земнымъ, и вышла такая гармонія, что слезы невольно исторгались. Быть можетъ, это мнѣ только такъ казалось? Но нѣтъ: посмотрѣли бы вы, какъ во время «Херувимской», «Тебѣ поемъ», «Отче нашъ», безъ всякаго приказанія, всѣ становились на колѣни прямо въ пыль, какъ усердно клали поклоны, молились! Нѣтъ, эту «небесную радость» чувствовали всѣ! Въ сто концерта пѣли «Душе моя, душе моя, возстани, что слыши? Конецъ приближается и имаша смутиться. Воспрями убо, да пощадить тя Христосъ Богъ, вездѣ съи и вся исполняй!» И всегда до слезъ трогаетъ эта дивная пѣснь, а теперь на войнѣ, когда для многихъ изъ насъ, здѣсь молящихся, конецъ дѣйствительно, можетъ-быть, весьма близокъ, она особенно благовременна. Въ поученіи, сказанномъ на литургіи, объяснилъ причту о богатомъ и Лазарѣ и преподавъ изъ нея подобающее наставленіе.

Окончилось богослуженіе, приложились всѣ къ кресту и разобрали церковь, сердечно благодаря Господа, что благополучно, безъ помѣхи, прошло молитвенное торжество наше. Какъ утѣшаетъ и ободряетъ молитва и таинство! Точно на крыльяхъ летѣлъ я въ третій эскадронъ провѣдать ротмистра Витковскаго, которому немного не здоровилось; у него пилъ чай, а въ 5-мъ эскадронѣ обѣдалъ. Такъ пріятно было побесѣдовать съ офицерами, видя ихъ непритворную радость по поводу совершившагося богослуженія. Очень усердно просили пріѣхать еще съ церковью, что я, конечно, и сдѣлаю, если продолжится «затишье» и позволитъ погода. Снова взмогнулся я на козлы двуколки и поѣхалъ домой, вѣдая душевную бесѣду съ друзьями, Ксенофонтомъ и Михайломъ. Эти простые души тоже въ восторгѣ и по своему выражаютъ свои чувства и впечатлѣнія. Сговариваемся и 17-го октября, во что бы то ни стало, отслужить св. литургію для остальныхъ эскадроновъ и штаба 17-го корпуса, хотя бы и холодно было. «Мы, вѣдь, можемъ и скоро отслужить», говоритъ Михайло: «а, все-таки, совершить литургію—это много значить!» Я, конечно, вполне соглашаюсь.

Отдохнувъ немного и подъ вечеръ пошелъ на «перспективу», подъ звѣздное небо: какъ-то невыразимо захотѣлось побыть одному, собрать

мысли, воскресить въ себѣ и «духовно» пережить еще разъ тѣ чувства, которыми утромъ была полна душа!

16-е октября.

Сегодня всталъ и думаю: вотъ, я пишу вамъ письма, а вы, вѣроятно, не довольны: человекъ находится на войнѣ, а сраженій не описываетъ. Что-жъ дѣлать? Пишу только то, что самъ лично переживаю, чтобы послѣ самому же прочесть и снова перечувствовать былое. Битвъ же подробно самъ часто не вижу, посему и описывать ихъ не могу, а съ чужихъ словъ не хочется. Часто записываю пустяки; но нужно помнить, что здѣсь наша жизнь течетъ совсѣмъ иначе, и нерѣдко маловажное событіе оказываетъ весьма большое вліяніе на наше душевное состояніе.

Послѣ чаю сѣлъ на канѣ почитать; вдругъ музыка... Что такое? Какая теперь музыка, когда войска сидятъ въ окопахъ?! Можетъ быть, ослышался? Нѣтъ, ясно доносятся звуки военного марша. Всѣ обѣжимъ изъ фанзы разяснить столь необычайное явленіе. Смотримъ, гарнизонъ нашей деревни высыпалъ уже на околицу, а вдали, откуда несутся звуки, виднѣется какая то черная масса... Приложивши руку къ козырку, всѣ вглядываются... Что такое? «Подмога идетъ изъ Расеи», говорятъ солдатики. Дѣйствительно, повернуло черное пятно на дорогу къ намъ и сверкнуло сразу солнце на массѣ штыковъ. Ближе...; несомнѣнно, пѣхота! Вотъ, уже музыка съ нами рядомъ; колышется знамя съ большимъ крестомъ. «Кто вы? откуда?» несутся со всѣхъ сторонъ. «Изъ Расеи... 61-я дивизія!» отвѣчаютъ бородачи. Господи! Какъ радостно бьется сердце: подмога, изъ Россіи! вѣдь, только мѣсяцъ назадъ, какъ они съ дорогой родины! ужъ этимъ однимъ милы; какъ будто родные пріѣхали! Не выдержалъ я: «здравствуйте», кричу, «дорогіе! Богъ въ помощь! Не робѣйте: скоро побѣдимъ!» «Дай Богъ! Спасибо!» слышится изъ рядовъ. — «А что ентъ (т. е. японецъ) еще далеко?» спрашиваетъ на ходу пожилой солдатъ. — «Верстовъ шесть—семь будетъ», отвѣчаютъ наши. Прощи. Солдаты хорошо одѣты; обозы ихъ чистенькіе; все новое: еще не испытали манчжурскихъ прелестей. Ободренный пошелъ я въ 4-й эскадронъ, къ ротмистру Калинину, условиться относительно завтрашней¹⁾ службы. Рѣшили въ расположеніи его эскадрона очистить мѣсто и поставить цер-

¹⁾ Воспоминаніе о 17 октября 1888 г.

ковъ, чтобы сегодня въ 4 часа дня отслужить всенощную, а завтра св. литургію.

Снова повторилась вчерашняя картина: какъ въ тѣхъ эскадронахъ, такъ и здѣсь, живо заработали лопаты, метлы. Распоряжался и особенно усердствъ валъ мой любимецъ, георгіевскій кавалеръ, унтеръ-офицеръ Власовъ, что «Библию (sic!) прочиталъ». Замѣчательный это человекъ: искренно религіозный, умный и безстрашный воинъ. Во время всѣхъ сраженій онъ вызывался и ходилъ въ самыя опасныя развѣдки, забирался въ расположе- ніе непріятеля, взлѣзалъ тамъ на деревья, фанзы, сопки и высматривалъ японскія батареи, укрѣпленія. Онъ уже имѣетъ Георгія 4-й степ., теперь представленъ и къ другому—3-й ст.

Работа кипѣла; скоро все выровняли, вычистили, вымели; оставалось ставить церковь; но вдругъ поднялся вѣтеръ и да такой холодный, что о службѣ и думать было нечего. Пришлось опять утрению читать про себя; а завтра, если утихнетъ, поставимъ церковь уже утромъ и отслужимъ св. литургію.

Въ 8 час. вечера поднялась страшная канонада съ японской стороны. Мы вышли на «перспективу»: горизонтъ на большое разстояніе безпрестанно вспыхиваетъ огнями; разрываются снаряды и, кажется, очень близко. Придется ли завтра служить?!...

17, 18 и 19-е октября.

Какъ настанетъ «затишье» военное, такъ я начинаю волноваться погодой: дождь, вѣтеръ, морозъ—все страшно беспокоитъ. Вѣдь, хочется воспользоваться затишнымъ временемъ, чтобы, какъ можно болѣе, молитвою утѣшить и ободрить усталыя души воиновъ! Когда прекратится сраженіе, у меня сейчасъ мысль: ну, перестали стрѣлять, затихла непріятель, отдыхаютъ полководцы; теперь пора намъ, священникамъ, начинать духовную битву съ внутренними врагами, имъ же имя «легионъ»: уныніе, тоска по родинѣ, близкимъ, сомнѣнія, физическія страданія отъ ранъ, болѣзней, непогоды. Въ окопахъ многіе солдаты опухли отъ сырости; вотъ, и хочется хорошей погоды, чтобы можно было по эскадронамъ служить св. литургіи, обѣдницы, молебны, бесѣдовать и этимъ въ самое сердце поражать внутреннихъ непріятелей, дабы въ новый бой воины шли бодрыми, одушевленными. Конечно, и во время битвъ есть дѣло священнику; но, вѣдь, каждый понимаетъ, что подъ громъ пушекъ и свистъ пуль много не набесѣдуешь;

тогда только благословеніе, краткая молитва, два-три слова въ утѣшеніе — вотъ, и все поученіе; а главное дѣло іерея переходитъ въ лазареты, перевязочные пункты, поближе къ бою, туда, гдѣ небо сходится съ землею, и ангелы, по словамъ преподобнаго Серафима, едва успѣваютъ брать души человѣческія.

Такъ съ тревогой за погоду всталъ я и 17-го октября. Ночью былъ вѣтеръ: скрипѣли утля наши оконнышки, шумѣла и рвалась на нихъ бумага; утромъ тоже. Ну, что будетъ! Готовлюсь все-таки служить св. литургію. Позвалъ своихъ солдатъ; пошли разставлять церковь, и что-же? къ 10-ти часамъ засіяло солнце; куда что дѣвалось: и тучки разбѣжались, и вѣтеръ утихъ. Совершаю проскомидію. «Разъ-два, разъ-два, лѣвой... лѣвой...», слышу обычный голосъ вахмистра. Идутъ эскадроны, штабные 17-го корпуса, обозные, саперы. Пришли генералы, офицеры; раздается энергичное: «здорово, молодцы — драгуны!» Гремить отвѣтное «здравія желаемъ Ваше—ство!» Затѣмъ: «на молитву, шапки долой», и голова Михайла просовывается сквозь полотняную дверь алтаря съ словами: «батьюшка, готово», будто я самъ не слышу. Возглашаю: «Благословенно Царство Отца и Сына и Св. Духа», и полились снова изъ устъ нашихъ священныя пѣсни и молитвословія божественной литургіи, заструились тихія слезы, мѣрно течетъ чистый ручеекъ среди зелени травъ и злаковъ земныхъ, покрытыхъ благовонными цвѣтами, освѣщаемый и согрѣваемый солнышкомъ! «О, Господи», невольно думалось: «вѣримъ, исповѣдуемъ и чувствуемъ, какъ невыразимо прекрасно, чисто, свѣтло, божественно содержаніе этой дивной службы — св. литургіи. Но помоги, Отецъ нашъ, чтобы души наши, освѣщаемыя и согрѣваемыя, какъ солнцемъ, крѣпкой, горячей вѣрой въ Тебя, очистились отъ унынія, сомнѣнія, и, какъ благовонными цвѣтами, покрылись надеждою и упованіемъ, — чтобы намъ неосужденно присутствовать и духовно участвовать въ совершеніи святѣйшаго таинства и, какъ говорятъ св. отцы, истинно насладиться божественною литургію». Да, тогда все будетъ спокойно и тоску о разлукѣ съ присными нашими и дорогой родиной, и ужасы сраженій, и лишенія походной жизни — все, все перенесемъ, благодаря и словосу Промыслителя, допустившаго насъ понести тяжелый крестъ войны.

Пѣвчіе, по моей просьбѣ, собрались отъ всего полка, и богослуженіе прошло такъ же, какъ и 15-го октября въ деревнѣ «Тадзеинъ». Какъ на особенность нашей здѣшней службы, укажу на то, что на великомъ входѣ

всегда поминаю «всѣхъ воинновъ, на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество живость свой положившихъ». Если бы вы знали, какъ какимъ искреннимъ чувствомъ скорби и молитвы и произносятся и выслушиваются здѣсь эти слова! Головы сами опускаются на грудь, руки совершаютъ крестное знаменіе, уста тихо шепчутъ: «царство небесное!» Вѣдь, «поле-то брани» здѣсь, подъ нашими ногами, и свѣжія могилы братьевъ нашихъ вокругъ: стоитъ только оглянуться!

Поученіе говорилъ на притчу о богатомъ и Лазарѣ. «Послѣ службы сейчасъ же разобрали церковь. Это дѣлаемъ быстро: часть ставимъ къ полчаса разбираемъ; очень ужъ удобно!

Прибрались; иду пить чай въ свою «квартиру» и побесѣдовать черезъ письма съ дорогой женой, родными, духовными дѣтьми... Еще вчера вечеромъ получилъ цѣлыхъ восемь писемъ, и у меня хватило терпѣнія ни одного не прочитавъ; отложилъ это удовольствіе на сегодня, чтобы праздникъ былъ полный; вотъ, теперь сяду и читаю. Изъ писемъ вижу, какъ всѣ грустятъ, скучаютъ. Дорогіе мои! а я-то? я-то развѣ веселюсь? По правдѣ сказать, часто нападаютъ такіе приливы тоски по всему родному, что приходится употреблять всю силу воли и вѣры, чтобы смирить мятущийся духъ. Смиримся же! Слышите? Смиримся подъ крѣпкую руку Божию и пребудемъ въ терпѣливомъ служеніи долгу предъ Богомъ, Царемъ и Родиной до той мноты, когда или скажутъ: «довольно! вернитесь къ роднымъ жертвенникамъ и очагамъ своимъ», или изсякнетъ послѣдняя капля крови!

Послѣ обѣда читалъ «Церковныя Вѣдомости». Страшно поразило меня начало проповѣди епископа Иннокентія воинамъ въ Севастопольскую войну: «Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда; нѣтъ, мы явились учиться у васъ, славные защитники града, учиться, какъ исполнять заповѣди Христа Спасителя: оставь отца, мать твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по Миѣ». Не то же ли, думаю, переживаютъ и нынѣшніе воины? Несеніе ими креста—разлука съ близкими, родиной, ужасы войны и лишения—не есть ли высочайшая добродѣтель? Чему же еще учить ихъ? Не справедливѣ ли у нихъ учиться? Посему не напрасно ли проповѣдую? Эти вопросы вдругъ нахлынули на меня; но успокоился, вспомнивши слово святое: «нѣсть чловѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ, аще и единъ день житія его» и слово апостола: «настой благовременно и безвременно»; да къ тому же, проповѣдь не только назидаетъ, а и утѣшаетъ.

Вечерѣтъ; садится солнышко; краснымъ полымемъ горитъ горизонтъ

на морозѣ. Беру палочку и иду, «по обычаю», на проспектъ нашъ дуться спокойнымъ мирнымъ небомъ, могучимъ солдатскимъ пѣніемъ вечерней молитвы, картиною пылающихъ костровъ, бѣгущимъ изрѣдка поѣздомъ туда... на смилый сѣверъ! Подходить генераль Ванювскій и говорить: «Какъ хорошо поютъ ваши эскадроны молитвы: я всегда съ удовольствіемъ слушаю!» Пріятно мнѣ было это услышать; но нужно правду сказать: вся наша армія очень хорошо поетъ ежедневно «пѣснь Богу едиными усты и единымъ сердцемъ». «Батюшка!» доносится голосъ солдата съ нашего двора: «ужинъ поданъ, остынетъ: пожалуйте скорѣй!» Ну, значитъ, пора кончать день: иду.

18-го и 19-го числа стояла чудная погода; солнце сильно грѣло и къ полудню разгоняло морозы-утренники. Я воспользовался симъ обстоятельствомъ и вымылся на дворѣ, при чемъ отъ «перспективы» мое грѣшное тѣло загораживалъ солдатъ простыней. Вѣроятно, это была послѣдняя настоящая мойка: морозы пошли порядочные; это уже такъ какъ-то выдались два деньга. Много гулялъ я за эти дни, читалъ, посѣтилъ лазаретъ 35-й дивизіи; больныхъ и раненыхъ нѣтъ, а въ санитарномъ поѣздѣ оказался свой священникъ.

20-е октября.

Какъ тяжело павятно мнѣ это число, день смерти Царя-Миротворца! Въ то время я служилъ въ 47-мъ драгунскомъ Татарскомъ полку въ гор. Рыпинѣ, Плоцкой губ., въ 15 верстахъ отъ прусской границы. Какъ сейчасъ помню: утромъ ѣздилъ на границу въ таможену «Добржинъ», служилъ молебень о здравіи дорогого Государя, а ночью вдругъ стукъ въ двери и сдвоенный голосъ офицера сквозь слезы: «Батюшка! горе: скончался Государь Императоръ Александръ III; скорѣе служить панихиду и сейчасъ же присяга; полкъ уже вышелъ изъ казармъ». Какъ громъ небесный, сразила насъ эта скорбная вѣсть! Бѣгу на улицу, въ церковь. Тьма непроглядная, осенняя. Слышенъ мѣрный шумъ шаговъ, звучать въ тактъ шпоры: полкъ идетъ. Я вмѣшиваюсь въ ряды солдатъ. Панихида; слезы общія. Затѣмъ присяга новому Государю Императору Николаю II, многая лѣта, ура. Все это среди тьмы въ глухую полночь, при слабомъ мерцаніи свѣчей, въ Польшѣ, на границѣ государства! Много пережито въ эту страшную ночь тревоги и скорби: до гроба не забыть! Вотъ, и теперь, 20-го октября, собрались воины, пропѣли панихиду, помянули вѣчной памятью незабвеннаго Царя-Миротворца.

Возвращаюсь съ панихиды; идетъ артиллерія; смотрю: скачетъ артиллеристъ солдатъ ко мнѣ на дворъ, проситъ благословенія и быстро говорить: «Батюшка! будьте милостивы, дайте мнѣ крестикъ на шею: въ прошломъ бою потерялъ, теперь опять ѣдемъ на позицію; убьютъ—не хочется умирать безъ креста». Спасибо, у меня имѣется запасъ маленькихъ образковъ и ладанокъ съ 90-мъ псалмомъ; сейчасъ же достала и дала пять крестиковъ, чтобы онъ и товарищамъ далъ. Какъ же радъ былъ солдатикъ! Счастливый, поскакалъ догонять свою часть. Подошелъ еще какой-то унтеръ-офицеръ съ просьбой дать ему евангеліе; удовлетворилъ желаніе и этого. Погода прекрасная; гулялъ по линіи, бесѣдовалъ съ солдатами, идущими съ позицій, о томъ, что онъ (японецъ) близехонько сидитъ отъ нашихъ окоповъ; а въ деревни Лин-ши-пу одну половину занимаетъ онъ, а другую мы; носа невозможно показать днемъ: сейчасъ пули пушаетъ; такъ и сидимъ по фанзамъ, а ночью въ темнотѣ приносимъ пищу и воду».

Идетъ изъ Мукдена толпа солдатъ, человекъ около ста разныхъ полковъ. «Откуда вы?» спрашиваю. «Изъ лазаретовъ, чинѣнные, ляоянскіе; въ свои полки идемъ. Охъ, ужъ если бы Господь помогъ поскорѣй добить его», отвѣчаютъ. Вечеромъ снова смотрѣли идущую съ музыкой «подмогу». Поразительно: лѣтоторые солдаты поморозили ноги на Байкалѣ; тамъ, говорятъ, морозъ до 20 градусовъ.

Завтра для насъ двойной праздникъ—день восшествія на престолъ Государя нашего Императора и день рожденія августѣйшаго нашего Шефа. Рѣшаемъ, если Богъ дастъ погоду и миръ, собрать завтра весь полкъ въ деревню «Тадзенинъ», отслужить тамъ св. литургію и молебень, устроить парадъ и общую трапезу. Сегодня снова пришли хозяева фанзы и поразили насъ: принесли намъ въ подарокъ семь большихъ грушъ и плитку китайскаго сахара, знаками объясняя, что это они въ знакъ благодарности за то, что мы сохраняемъ ихъ фанзу и дали имъ денегъ. Конечно, мы снова дали имъ три рубля и записку, чтобы часовые на рѣкѣ Хунхе пропустили ихъ въ Мукденъ по мосту; а то, когда китайцы шли къ намъ, часовые сдѣлали имъ «ломайло», надавали «пилюль» и заставили идти черезъ рѣку. Смѣшно было смотрѣть, когда они жестами показывали, какъ солдаты давали имъ «пилюли», при чемъ рассказчики сами же смѣялись.

(Продолженіе впереди).

† Протоіерей Анастасій Евф. Плышевскій.

(Некрологъ).

Въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля сего 1905 года неумолимая смерть унесла отъ насъ одного изъ старѣйшихъ военныхъ духовныхъ пастырей, священника Варшавской Штабной св. Георгіевской церкви и благочиннаго при штабѣ Варшавскаго военнаго округа, протоіерея Анастасія Евфимовича Плышевскаго.

Неожиданная смерть его среди обычныхъ занятій, происшедшая отъ паралича сердца, поразила всѣхъ его родныхъ, сослуживцевъ, духовныхъ чадъ и многихъ знакомыхъ, среди которыхъ покойный пользовался всеобщей любовью. Въ лицѣ покойнаго (духовные дѣти его) лишились ревностнаго и усерднаго молитвенника и духовника, мы — пастыри — добросердечнаго товарища и сослуживца, опытнаго совѣтника и руководителя; варшавское отдѣленіе Общества попеченія о бѣдныхъ военнаго духовенства постояннаго члена и одного изъ первыхъ своихъ учредителей, а всѣ вообще знаемые покойнаго потеряли въ немъ «человѣка», отзывчиваго на всякое доброе дѣло.

Вѣсть о смерти о. Анастасія быстро распространилась въ городѣ, и уже на первой панихидѣ, совершенной на квартирѣ покойнаго утромъ 2-го апрѣля, присутствовало 13 священниковъ, во главѣ съ настоятелемъ Варшавскаго крѣпостнаго собора, прот. Ал. Златковскимъ. Имъ сослужили: епархіальный протодіаконъ о. Ивановъ и военный діаконъ о. Туробовъ. Слѣдующія (вечерняя и утренняя) панихиды были совершены съ участіемъ священнослужителей, живущихъ въ Варшавѣ, такъ и вновь прибывшихъ изъ сосѣднихъ городовъ: Горы-Кальварія, Липпо, Новоминска и о. На панихидахъ присутствовала масса знакомыхъ и духовныхъ дѣтей покойнаго.

Одна панихида была совершена отъ членовъ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви настоятелемъ Варшавскаго кафедральнаго собора прот. П. Каллистовымъ.

Въ церкви окружнаго штаба, въ которой о. Анастасій священствовалъ 24 года, 5-го апрѣля въ 10 час. утра была совершена соборно-божественная литургія. При отпѣваніи, вѣдъ кондакомъ: «Созвѣстными упокой», произнесъ теплое и глубокопрочувствованное слово священникъ лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка о. В. Садиковъ, а вѣдъ отпустомъ почтилъ память почившаго, какъ члена общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, краткою, но весьма краснорѣчивою, рѣчью, секретарь сего Общества, профессоръ Варшавскаго университета П. В. Ни-

кольскій. Первый проповѣдникъ въ своемъ словѣ обрисовалъ покойнаго, какъ образцоваго пастыря, рѣдкаго товарища и сослуживца-пастыря, который пользовался любовью своихъ духовныхъ чадъ и особымъ вниманіемъ такихъ выдающихся дѣятелей въ краѣ, какъ генераль-фельдмаршалъ Гурко, графъ Шуваловъ и др. Второй ораторъ очертилъ свѣтлую личность почившаго о. Анастасія, какъ безкорыстнаго и любвеобильнаго труженника на нивѣ Христовой, близко принимавшаго къ сердцу задачи и цѣли Общества религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви.

Крестный ходъ съ тѣломъ покойнаго изъ штабной церкви на Волю, очень рѣдко случающийся въ Варшавѣ, въ которомъ приняло участіе болѣе 20 священнослужителей, привлекъ на похороны массу народа всякаго званія, состоянія и вѣроисповѣданія. На гробъ покойнаго было возложено много дорогихъ вѣнковъ: отъ членовъ Штаба округа, окружного артиллерійскаго упрвленія, родныхъ, друзей, нижнихъ чиновъ Штаба округа и др..

Почившій — сынъ священника Виленской губерніи, родился 22-го января 1833 года. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Литовской духовной семинаріи, 12 іюля 1861 года былъ назначенъ надзирателемъ за воспитанниками Виленскаго духовнаго училища. Въ 1863 году былъ рукоположенъ во священника къ Высокодворской Свято-Покровской церкви, Литовской епархіи. Въ 1874 году, по прошенію, переведенъ въ военное вѣдомство съ назначеніемъ полковникъ священникомъ церкви 108 пѣхотнаго Саратовскаго полка. Затѣмъ, перемѣненъ на священническое мѣсто при штабѣ Виленскаго военнаго округа въ 1878 г. и, наконецъ, на послѣднее мѣсто, при штабѣ Варшавскаго военнаго округа, перемѣненъ 30 апрѣля 1881 года. Покойный за свою 42-лѣтнюю ревностную и примѣрную службу имѣлъ всѣ священническія награды и отличія, включительно до ордена св. Анны 2-й степени.

Вѣчная память тебѣ, о. Анастасій, незабвенный пастырь и сослуживецъ!
Доброй душѣ твоей да даруетъ Правосудный Господь царство небесное!

Б. С. Н. С.

Редакторъ. Г. С. С. С.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Правленія. — С.-Петербургъ, 3-го Августа 1908 года.

С.-Петербургъ. — С.-Петербургъ, 3-го Августа 1908 года.

Типографія. — С.-Петербургъ, 3-го Августа 1908 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла вторымъ изданіемъ книга

„НАСТАВЛЕНІЕ ВЪ ЗАКОНЪ БОЖІЕМЪ“

Священника *Михаила Ремезова*

Учебное руководство о. Ремезова стремится поставить преподаваніе Закона Божія въ школъ на библейскую церковную основу по плану, которъ былъ одобренъ третьимъ всероссійскимъ миссіонерскимъ съездомъ, съ цѣлью провести миссіонерскій элементъ въ народную школу. Въ связи съ этой особенностью учебника находится апологетическій методъ изложенія тѣхъ истинъ православія, которыя въ виду сектантскихъ извращеній требуютъ наиболѣе точнаго изъясненія (ученіе о церкви и ея правахъ, о священствѣ, о почитаніи Божіей Матери и пр.). Для облегченія пользованія книгой приложены вопросы, исчерпывающіе содержаніе урока. Языкъ точный и ясный.

Внутреннія и внѣшнія достоинства книги оставляютъ прекрасное впечатлѣніе, но для употребленія въ учебныхъ воинскихъ командахъ она совершенно не приспособлена. «Наставленіе» составлено по программѣ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Двѣсти шестьдесятъ страницъ текста — неодолимое препятствіе для малограмотнаго солдата; равно и цѣна (40 коп.) для него высокая, хотя печать, бумага и значительное количество картинъ — хорошаго достоинства. Будучи надлежаше сокращена и приспособлена къ программѣ Закона Божія въ полковыхъ учебныхъ командахъ съ помощью весьма опытнаго въ дѣлѣ законоучительства о. Ремезова, его книжка была бы особенно умѣстна въ районахъ расположенія войска, угрожаемыхъ сектантскимъ движеніемъ.

Троицкаго при л.-гв. Измайловск. полку собора прот. *Θ. Ласкѣвъ.*

Содержаніе. Высоч. награды. — Изъ прик. по 38 драг. Владим. полку. — Бесѣда о физич. и нравст. страданіяхъ русскихъ воиновъ во время осады Портъ-Артура. — Поученіе-памятка прибывшимъ на укомплект. чинамъ 33-го Вост.-Сибир. стрѣлк. полка. — Трогательное молебствіе для прибывшихъ въ Симферопольскій лазаретъ защитниковъ Портъ-Артура. — «Смерть да Божій судъ вездѣ найдутъ» (разсказъ). — Нежелательныя явленія въ жизни воен. дух-ва, указанныя г. офицеромъ. — Дневникъ полк. свящ., служ. на Дальн. Востокъ (продолженіе). — Некрологъ. — Объявленіе.

Редакторъ, Прот. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 2-го Августа 1905 года.

Старшій цензоръ, Архимандритъ *Филаретъ*